

А. Г. Суцневский

НАДПИСИ ИЗ ВАДИ ЭЛЬ-ХОЛЬ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье представлены историческое и грамматологическое описание проблемы формирования предполагаемой фонографической модели письма, зафиксированной в двух надписях, происходящих из Верхнего Египта (Вади эль-Холь). Проводится анализ возможности появления подлинной фонографии в маргинальной социальной группе носителей западно-семитского языка в эпоху Среднего царства (около XX в. до н.э.). Предложена гипотеза относительно принципов и структуры модели письма надписей из Вади эль-Холь. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: Вади эль-Холь, Верхний Египет, Среднее царство, западносемитский, алфавитное письмо, идеография, морфография, гетерография, грамматология.

THE INSCRIPTIONS OF WADI EL-ḤŌL: AN ESSAY OF HISTORICAL DESCRIPTION OF THE ISSUE

A. G. Sushchevsky

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Nearly a century has witnessed a long sequence of efforts applied to describe and demonstrate the problem of the origin of “alphabetic” writing in the ancient Eastern Mediterranean, considering so called “Proto-Sinaitic” and “Proto-Canaanite” inscriptions. The description “alphabetic” being irrelevant on the grounds of grammatology is revised in the present article in favor of “phonological” mode of writing. The article offers some new inferences of how phonological writing could be formed in the deprived and constricted group of Western Semites in Egypt of the Middle Kingdom.

Most and even recent approaches to the issue are of paleographic, grammatological and linguistic kind with an obvious lack of *historical* approach. A new hypothesis on historical background of the Middle Kingdom is offered to depict terms mating to the problem of origin of what is here called heterography of the traditional Egyptian system of writing. One of the points is demonstrated: why and under what circumstances “Western Semitic phonography” being invented even at the beginning of XXth century BC fell into oblivion for four centuries and was nearly reinvented in Levant at the edge of XV–XIV cent. BC. Refs 10.

Keywords: Wadi el-Ḥôl, Upper Egypt, Middle Kingdom, West Semitic, alphabetic writing, ideography, morphography, heterography, grammatology.

История возникновения алфавитной системы письма, казалось бы, описана вполне удовлетворительно на основе появления в Ханаане на рубеже XV–XIV вв. до н.э. значительного числа документов, письменность которых представляет собой подлинную фонографию в ее консонантном варианте. Где-то на горизонте, как всегда, «виднелось облачко» так называемого синайского письма, однако вполне неясные грамматологический и лингвистический контексты надписей в Серабит эль-Хидим исключали их использование¹ в построении общей исторической картины важнейшего коммуникативного ресурса современной цивилизации. И только «энтузиасты»

¹ К. Т. Ходж вообще исключает необходимость использования «синайского» и соответствующего «палестинского» материала для описания истории возникновения финикийской консонантной фонографии [1, с. 277].

специализированных областей египтологии и семитологии время от времени публиковали довольно противоречивый набор свидетельств и их аналитический обзор.

Между тем эта историческая проблема остается актуальной прежде всего потому, что в мире динамично развивающихся систем коммуникации мы глубже начинаем осознавать ценность нашего основного «интерфейса» — фонографической модели письма (оставляя в стороне дальневосточную идеографию, какую бы позицию в современном мире она ни стремилась занять).

Один из так называемых законов Мэрфи, иронично описывающих системообразующие факторы в научной аналитике, гласит, что когда описание теории приобретает законченный вид, обязательно найдется некто, представивший данные, требующие расширить теорию до границ, в которых уже никто из специалистов ровным счетом ничего не понимает. В нашем случае, имея в виду историю письма, «маленькое облачко» на горизонте раздували до размеров грозовой тучи начиная с последней четверти истекшего столетия, и, к сожалению, этот процесс, поддерживаемый научными публикациями, но отнюдь не должным уровнем исторического и лингвистического анализа, продолжается. Представить некоторый предварительный анализ сложившейся ситуации в современном описании истории происхождения подлинной консонантной фонографии и было основной мотивацией написания предлагаемой статьи.

Аналитика начинается с принципов и ограничений, с которыми в дальнейшем придется иметь дело. Прежде всего, крайне *неудобно* описывать систему письма как «алфавитную». Алфавит — это модель мнемоническая. Ее функция — обеспечить запоминание знаков письма, графем. Для этой цели каждый знак получает определенное имя и место в последовательности. Будучи, таким образом, упорядоченной системой, алфавит может быть использован для самых разнообразных кодировок. Простота мнемотехники и системоорганизующий потенциал обеспечили алфавиту широкое распространение и даже утвердили во мнениях как «самую совершенную модель письма».

Вполне очевидно, что никакого отношения к собственно принципам письма ни мнемоника, ни форма организации знаков не имеют. Поэтому описание модели как «алфавитной», несмотря на традиции и внешнюю простоту, закрывает для нас возможности ее принципиального анализа.

Широко распространенное и, кажется, по сей день общепринятое определение письма как упорядоченной системы знаков, графически фиксирующих *вербальный* уровень отражения сообщения, также крайне неудобно, тем более, если мы погружаемся глубоко в историю письменных систем. Я, в принципе, далек от радикальных утверждений Питера Дамерова, отрицавшего синтаксическую организацию протоклинописных текстов [2, § 4.2], но допускаю, что синтаксис как форма организации сообщения может быть прослежен и при визуально-графическом уровне отражения представляемой реальности². Именно с этим условием мы, по-видимому, имеем дело, анализируя тексты, созданные на ранних стадиях идеографии. В таком случае принципиальная формулировка определения письма может быть получена на основе калибровки «визуальная/вербальная организация сообщения». В предельном описании проблемы, мы, вероятно, располагаем двумя моделями письма, получа-

² Греческое *syntaxis* означает в самом широком смысле просто «порядок», в данном случае — упорядоченность сообщения, а не обязательно структуру языка.

емыми при нисходящем анализе: идеографию (визуальное отражение) и фонографию (вербальное отражение).

Актуальная система письма, по-видимому и как правило, построена на основе некоего компромисса между двумя моделями, что и порождает множество функциональных вариантов³.

Особую проблему представляет «чтение» письма или, точнее говоря, интерпретация. Ряд неверных методологических подходов к этой проблеме почти *на два века (!!!)* закрыл возможность адекватного описания письменной системы текстов древнего Египта, которая до сих пор большинством специалистов представляется как фонографическая⁴. И если много трудностей вызывает анализ формирования идеографической модели (во многообразии ее вариантов, например, *морфографии* [4, с. 142–143]), то описание генезиса фонографической модели вообще представляется блужданием во тьме без путеводного светоча.

Однако не вызывает особых проблем то обстоятельство, что сообщение, сформированное для визуального отражения (например, знак дорожного движения или «идеограмма» в интерфейсе интернет-приложения), может быть интерпретировано вербально, что не делает модель, использованную для формирования сообщения, фонографией. Такого рода аналитическая ошибка стала исходным пунктом для появления описаний графем как «логограмм» и «семограмм» у американского ассириолога и грамматолога И. Гельба [5, с. 43–44].

И, наконец, в завершение представления исходных положений, обратимся к семантическому треугольнику Фреге (*Zeichen-Sinn-Bedeutung*), он же — модель Огдена—Ричардса. В случае идеографической модели десигнатом графемы (идеограммы) выступает матрица визуального распознавания объекта и многочисленные семантические связи опыта, сформированного вместе с ней в сознании субъекта. «Слову», что бы это описание ни предполагало, в этой схеме места не выделено. Поэтому и описание «логограмма» не формирует принципиального подхода к анализу древнейших систем письма. Разумеется, лексическая интерпретация распознанного знака возможна, но вторична и субъективна и требует определенной конвенциональности. Собственно идеограмма отделена от изображения в художественно-композиционном пространстве *не структурами языка, а функциональной гранью*, за которой расширяется когнитивный опыт (что и вызывает трудности анализа древнеегипетских памятников при утрате конвенциональных контекстов древней культуры).

Условия фонографической модели куда более сложны для аналитического описания. В семантическом треугольнике в этом случае десигнатом выступает *фон*, речевая реализация некоего представления о минимальной звуковой единице, фонеме. Проблема состоит в том, что носитель языка вычленив такой фон в потоке речи, как правило, не может. Для него минимальным элементом будет просодическая единица, отождествляемая со слогом. Поэтому первый шаг на пути формирования фонографии — создание силлабария, слогового письма, событие универсального порядка в различных письменных системах.

³ Например, знаки цифр в современных европейских системах все-таки концептуально ближе к идеограммам и уж, во всяком случае, чужды фонографии.

⁴ Разумеется, сохраняется и идеография, но она в описаниях занимает маргинальное положение, тогда как в пропедевтике наибольший вес придан «фонетическим знакам»; (см., напр. [3, р. 12, § 2.2]).

Подлинная фонография — это своего рода абстракция, и получить ее можно, по-видимому, только в поистине экстремальных условиях. Однако описание этих условий уже не область грамматики, а область истории. И здесь, собственно, и начинается наша статья.

Историческая традиция Пятикнижия по сути утверждает, что древнейшим текстом, отражавшим, выражаясь современной терминологией, *западносемитский языковой контент*, были Десять Заповедей, переданные Богом Моисею и записанные на Скрижалях Завета. Возникновение этого текста, согласно традиции, относится к центральной части южного Синая, одной из самых жестоких пустынь на свете. Проблема, однако, в том, каким письмом этот текст мог бы быть записан: Моисей был воспитан при дворе Фараона и, надо полагать, получил египетское образование, т. е. был знаком только с египетским письмом.

В этой традиции сохранен ряд ключевых моментов, которые так или иначе можно соотнести с реальностью: во-первых, культовый контекст; во-вторых, экстремальные условия — пустыня и горы; в-третьих, египетское письмо в качестве субстрата.

Все эти три положения прослеживаются в относительно недавней публикации двух надписей из Вади эль-Холь, представленной Дж. К. Дарнеллом и его исследовательской группой [6].

Выводы работы таковы: две надписи из Вади эль-Холь в Западной (Ливийской) пустыне Египта между Луксором и Хивом (Ху) представлены фонографической моделью письма (или, как пишут авторы, «алфавитным письмом»); они отражают не египетский, а некий западносемитский язык, но графемы этого письма целиком и без исключения в своем *дукте* восходят к знакам египетского «скального курсива» (особой смеси скорописи и священного письма). По содержанию обе надписи отражают, должно быть, западносемитскую антропонимику⁵, однако чтению пока не поддаются. Другими словами, как пишут исследователи «синайского письма», «лингвистический контекст не определен» [7]. Надо отметить, что обе надписи оставлены в местах, где египетские начальники пустынных мобильных отрядов приказывали высекать свои титулы и имена.

Египетская традиция оставлять надписи с развернутой формой имени (титулы и патронимика) отражает важнейшую сторону культовой практики: обеспечение иной жизни через сохранение имени на вечных памятниках. В этом отношении еще более показательны надписи, оставленные вокруг древних царских копей на Синайском полуострове в Серабит эль-Хидим, месте почитания Хатхор-хозяйки-бирюзы. Именно из этих мест происходит основной контент так называемого синайского письма, аналогичного, по мнению Гамильтона [7, р. 36 и др.], Засса [8] и других исследователей, форме письма из Вади эль-Холь.

Палеографический анализ знаков, использованных в надписях из Вади эль-Холь, как будто не оставляет сомнений в том, что их формы действительно были заимствованы из египетского «скального курсива»⁶. Простое наблюдение показывает, что здесь использована не морфография египтян, и содержание графем не относит-

⁵ Удалось прочесть *rb* «господин» и *'l* «бог».

⁶ Дарнелл и его коллеги используют неточную дескрипцию *lapidary hieratic*: «иератика камня» действительно существовала, например, на «стелах дарений» Ливийской эпохи, но к скальным граффити она отношения не имеет.

ся к египетскому языковому контенту. Идея Гамильтона, поддержанная Дарнеллом и его группой, состояла в том, что знаки представляют собой консонантные фонограммы, функционально подобранные в соответствии с приписанной им акрофонией. Например, египетская морфограмма «зыбь на воде, волна» (N 35 по таблице Гардинера, -n-) интерпретировалась лексически как *māj «вода» и, соответственно, использовалась для передачи -m-.

Археологический контекст надписей позволяет отнести их к эпохе правления XII династии (в данном случае 1-я четверть II тысячелетия до н.э.), т.е. по меньшей мере лет за 400 до появления текстов с западносемитской фонографией.

На этом этапе описание проблемы письма из Вади эль-Холь и Серабит эль-Хидим неожиданно завершается в упомянутых выше публикациях, что ставит гораздо больше вопросов, чем предлагает ответов. И прежде всего — если фонографическая модель письма была сформирована в среде носителей некоего западносемитского языка в Египте, то почему на протяжении последующих столетий вплоть до рубежа XV–XIV вв. до н.э. в ареале распространения западносемитских языков не встречаются тексты, записанные этим простым и удобным письмом, покоровшем со временем весь мир?

Между XVII и XVI вв. до н.э., в эпоху так называемого гиксосского владычества, выходцами из Восточного Средиземноморья была создана обширная империя, охватывавшая земли от Египта до Сирии. Но «семитская фонография» не стала письменностью этого политического образования.

В последующую эпоху тесных контактов Египта, городов-государств Ближнего Востока и касситской Вавилонии был создан своего рода единый культурный ареал, обеспечивавший взаимообмен литературными, дипломатическими и иными текстами, происходило взаимное проникновение различных систем письма, но следов проявления «семитской фонографии» зафиксировать как будто не удалось.

В этот же период XVI–XV вв. до н.э. в египетских писцовых кругах создавалась особая модель письма, получившая название «силлабическая» [9], или «новая орфография», как представляется сегодня, предшественница семитского консонантизма в принципах письма. Зачем было ее создавать более века, если уже в самом Египте была сформирована фонография на основе собственно знаков египетского письма?

И наконец — в какой социальной группе египетского общества могли сложиться условия формирования письма, по своим принципам прямо противоположного традиционному, обеспечивавшему не только социальную адаптацию, но и сам смысл жизни — культ имени? Каковы были социальные цели такого письма, какого рода коммуникацию оно поддерживало и кто были те, кто оказался «лингвистически» более подготовлен, чем самые мудрые из египетских учителей?

Получить позитивные ответы на многие из этих вопросов не удастся, поскольку само их негативное содержание сформулировано на основе хорошо документированных исторических условий. С лингвистической точки зрения описание проблемы надписей из Вади эль-Холь тоже приобретает негативный характер. Обособленная в Верхнем Египте группа носителей одного из западносемитских языков не может создать для себя подлинно фонографическую модель письма, да еще в консонантном варианте, прежде всего потому, что в этих языках процессы формо- и словообразования поддерживаются трансфиксом, особой операцией изменения гласного в морфологической основе. Письмо, не указывающее такого рода изменения,

для семитских языков практически не функционально при изначальных условиях формирования⁷.

Поскольку в справедливости поставленных вопросов я не могу сомневаться, то вывод мой таков: мы имеем дело с квазипроблемой. Другими словами, если исторические условия не позволяют появиться подлинной фонографии в этом месте и в это время, значит это не она. Мы столкнулись с особой формой гетерографии по отношению к традиционной для египетского письма модели. Проанализируем исходные условия проблемы еще раз.

Надписи из Вади эль-Холь и Серабит эль-Хидим (а только о них и имеет смысл говорить как об имеющих хоть какой-то исторический и грамматологический контекст) обнаружены за пределами египетской земли, но на территории, подотчетной египетской администрации, и в местах, отмеченных египетским культом. Других археологических контекстов для обнаружения текстов с письмом этого типа пока нет.

В египетских административных документах эпох Среднего и Нового царств следов этой формы письма нет, а ведь египтянам не свойственна была ксенофобия, особенно в отношении языка и письма, кроме одной области — теургии и культового служения.

Итак, по-видимому, письмо из Вади эль-Холь не имело административного применения в Египте, оно не обеспечивало коммуникацию с египетскими административными службами и, следовательно, не обеспечивало какую бы то ни было форму социальной адаптации в египетском обществе, например, на воинской службе. Однако форма и *дукт* его знаков, по заключению Дарнелла, показывают вполне определенно [6, р. 91], что сформировалось оно в Египте Среднего царства.

Египетское письмо в форме административного курсива (традиционно в египтологии используется термин «иератика») не служило моделью для форм знаков письма из Вади эль-Холь. Любые же формы так называемой иероглифики служили исключительно культовым целям!

Надписи военачальников пустынных мобильных отрядов из народов *ʿZm* выполнялись на египетском языке и египетской же морфографией, что относило их к египетскому культу имени. Таким образом, этническое происхождение на выбор формы письма влияния не оказывало. Складывается впечатление, что социальную нишу для формирования особого письма у некой социальной группы мы уже вполне обрисовали. Ни этнический, ни административный контекст здесь не были задействованы. Однако культовый контекст выделен весьма рельефно.

Переход на египетскую службу означал для иноземца прежде всего получение египетского имени (вспомним библейскую историю Иосифа и наречение ему египетского имени (Быт. 41: 45)), что было необходимо для списков местной управы, *кенбета*. Соответственно, его носитель уже переходил в сферу египетской письменной культуры и, следовательно, обретал египетский культ имени. Однако жить в Египте и не иметь надежд на вечную жизнь... Вот, поистине, тот мотив, который был так проникновенно обрисован Мигелем де Унамуно («О трагическом чувстве жизни»).

Любопытно то обстоятельство, что выходцы из западносемитских регионов в египетских административных текстах эпохи Среднего царства часто указываются

⁷ Достаточно вспомнить аккадскую силлабографию, которая была в ходу в том числе и в Угарите, где сосуществовала с собственно угаритским письмом, древнейшей полноценной консонантной фонографией.

только под своим этнонимом *ʕt.w*, что означает их маргинальное положение среди всех социальных групп египетского общества. Документально мы можем проследить только тех из них, кому удалось влиться в египетские должностные и храмовые хозяйства и даже войти в состав крупных египетских семейств. Большинство из них уже носило египетские имена [10, с. 76–77].

У нас практически нет сколько-нибудь надежной документации о тех *ʕt.w*, которые не попадали в сферу египетского администрирования. Их имена *никогда и нигде не записывались по-египетски, и они не имели возможности попасть в сферу египетского культа имени*. Пожалуй, это действительно актуальная мотивация для экспериментов над некой моделью гетерографии, так сказать, параллельной египетской консонантной морфографии.

Для описания письма из Вади эль-Холь я решил бы предложить следующую гипотезу. Начнем, опять-таки, с исходных условий. Если у Гамильтона, Засса и Дарнелла нет сомнений в том, что графической основой «семитской фонографии» было египетское письмо, то, надо полагать, и его принципы были исходным условием формирования гетерографии из Вади эль-Холь.

Египтяне же пользовались сегментной морфографией, т.е. моделью письма, в которой словоформа членится не только на морфологические сегменты для последующего отражения через идеограммы, но и вообще на произвольные сегменты, каждый из которых может объединять, например, аффикс и фрагмент корневой морфемы. Однако египетское письмо весьма последовательно в своих принципах отражало две важнейшие особенности структуры египетского языка старого состояния: *исключительно линейный характер морфологии и вытекающее из него отсутствие гласного трансфикса в процессах слово- и формообразования*.

Иначе говоря, у египтян эпохи Среднего царства с фонологической точки зрения был хорошо представлен опыт о характерных согласных звуках, консонантах, и именно эти звуки поддерживали такие структуры, как *семантика*. Гласные звуки, насколько можно судить, в этих процессах в языке старого состояния участия не принимали, и поэтому опыт о них у носителей египетского языка был весьма специфическим, чтобы не сказать смутным.

Таким образом, каждый, использовавший египетское письмо в качестве основы для построения некоей «пиджин-модели», должен был бы по необходимости научиться членить словоформы и своего языка именно на *консонантные сегменты*. В случае носителей языка западносемитской группы это означало, что из минимальных просодических элементов («слогов») исключались гласные. В конечном итоге он, предполагаемый творец письма Вади эль-Холь, получил бы модель в целом изоморфную подлинной консонантной фонографии, но *по природе и исходным принципам таковой не являвшуюся*.

Эта модель письма имела весьма ограниченную функциональность: памятную запись имен у узкой и маргинальной группы *ʕt.w* в составе египетского общества, и потому его конвенциональность, как графическая, так и семантическая, едва ли была доведена до совершенства. Возможно, это и определяет современные трудности в его интерпретации.

Эти же две основные черты письма из Вади эль-Холь и Серабит эль-Хидим — ограниченность в функциональной и социальной сферах — обеспечили этой «гетерографии *ʕt.w*» забвение в эпоху, когда Левант стал ареной борьбы могуществен-

ных политических сил. Лишь в узкое «окно» истории на рубеже XV–XIV веков до н.э. формы и принципы этого письма были востребованы в Ханаане для создания собственного «алфавита».

Литература

1. *Hodge C. T.* The Hieratic Origin of the Ugaritic Alphabet // *Anthropological Linguistics*. Bloomington: The Trustees of Indiana University, 1969. Vol. 11, N 9. P. 277–289.

2. *Damerow P.* The Origins of Writing as a Problem of Historical Epistemology // *Cuneiform Digital Library Journal*. 2006. N 1. P. 1–10. URL: http://cdli.ucla.edu/pubs/cdlj/2006/cdlj2006_001.html (дата обращения: 23.08.2013).

3. *Loprieno A.* *Ancient Egyptian: A Linguistic Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 322 p.

4. *Петровский Н. С.* Звуковые знаки египетского письма как система. М.: Наука, 1978. 174 с.

5. *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма (основы грамматики). М.: Радуга, 1982. 366 с.

6. *Darnell J. C. et al.* Two Early Alphabetic Inscriptions from the Wadi el-Hôl: New Evidence for the Origin of the Alphabet from the Western Desert of Egypt // *The Annual of the American Schools of Oriental Research*. Boston: The American Schools of Oriental Research, 2005. Vol. 59. P. 63–124.

7. *Hamilton G. J.* The Origins of the Western Semitic Alphabet in Egyptian Scripts. Washington: The Catholic Biblical Quarterly Monograph Series 40. 2006. 433 p.

8. *Sass B.* The Genesis of the Alphabet and Its Development in the Second Millennium B. C. Wiesbaden: Harrassowitz, 1988. 221 p.

9. *Albright W. F.* The Vocalization of the Egyptian Syllabic Orthography. New Haven: American Oriental Society (American Oriental Series. Vol. 5), 1934. 74 p.

10. *Берлев О. Д.* Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М.: Наука, 1972. 363 с.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Сущевский Андрей Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент; petubast@mail.ru

Soushchevsky Andrey G. — candidate of historical sciences, associate professor; petubast@mail.ru